

THE WORLD OF ISLAM IN RESEARCH PERSPECTIVES
OF ARABIC STUDIES AND POLITICAL SCIENCE

Świat islamu w perspektywie badań
arabistycznych i politologicznych

Vol. 2 SOCIETY
t. 2 Społeczeństwo

publikacja
adam marszałek

**Специфика создания образа Турции
в репортажах на путевую тематику
Костя Котка „Солнце за минаретами”
(„Сонце поза мінаретами”) (1928)
и „Дневник нескольких городов”
(„Щоденник кількох міст”) (1930)**

1920–30-е годы прошлого века были временем невиданного развития, открытий и надежд в украинской культуре. Недаром этот период вошел в историю под названием „культурный Ренессанс” или „культурная революция”. Историк Орест Субтельный объясняет причины появления целой плеяды новых талантов последствиями революции, которая

Наполнила культурную деятельность ощущением новизны, сознанием освобождения от старого мира и его ограничений. Возникли сложные неотступные вопросы о том, в каком направлении следует развиваться украинской культуре, на какие образцы ей следует ориентироваться и какой быть вообще. Воодушевленные ощущением собственной миссии и растущей аудиторией, писатели, художники и ученые с увлечением погрузились в создание новой культурной вселенной¹.

Наиболее полно свежие настроения нового времени проявились в литературе. Атмосфера плюрализма, обусловленная нэпом, в начале 20-х годов открыла молодому поколению писателей и журналистов пространство для творческого поиска.

¹ О. Субтельный, *Україна: Історія: навчальний посібник*, Либідь, Київ 1992, с. 457.

В 20-е годы XX века, до введения сталинской диктатуры, заметной была активизация репортажных тенденций в украинской прессе и литературе. Определенная заслуга в этом Василя Блакитного². А где-то с 1928 года в украинской журналистике становится очень популярным жанр литературного репортажа.

Литературный репортаж вошел в украинские газетно-журнальные издания в период национально-культурного возрождения, получивший название „коренизация”. Бурное развитие культуры, связанное с процессом особого заинтересования неизвестными или малоизвестными уголками Украины, способствовало распространению этого жанра, который как нельзя лучше помогал читателям живописно, в наиболее ярких деталях и одновременно максимально точно воссоздать конкретную действительность, динамично описать тогдашнюю жизнь. Поэтому сборника репортажей Бориса Антоненко-Давидовича *Землей українською* (Землею українською), Я. Брига *Места прошлого и будущего. По Черниговщине (Місця минулого і майбутнього. По Чернігівщині)*, Ал. Борзаковского *По неизвестных уголках (По незаних закутках)*, П. Голоты *Трамваи в оврагах (Трамваї у ярах)*, С. Головановского *Скатертю дорожка, (Скатертю доріжка)* репортажи А. Полторацкого *Семь часов в воздухе (Сім годин у повітрі)*, *Донбас на полунти (Донбас на півдорозі)*, *Репортаж с моралью и не без соли (Репортаж з мораллю та не без соли)*, *Человек с 'монбляном' (Людина з 'монбляном')*, А. Перегуды *Законы прерии (Закони прерії)*, Каховка, Д. Бузька и Г. Шкурупия *Старым Днепром в последний раз (Старим Дніпром в останній раз)*, Д. Гуменной *Письма из степной Украины (Листи із степової України)*, Ст. Антонюк *Донбасу кадров, стране угля (Донбасові кадрів, країні вугілля)*, А. Панова *В палатке над Днепром (В наметі над Дніпром)* и др. стали фактологическими документами тогдашней эпохи. Познавая себя через свою родную страну, украинские писатели и журналисты нуждались также в путешествиях в другие страны, адже „настоящая значимость Украины становилась понятной через сравнение ее с другими государствами, нациями

² В. Здоровета, *Теорія і методика журналістської творчості: підручник*, Паїс, Львів 2004, с.173.

и культурами, через установление многовековых культурных связей с зарубежьем³. Поэтому когда стали возможны путешествия не только по территории Украины и отдаленными уголками СССР, но и за границу, один за другим начали появляться сборники репортажей на путевую тематику. Коммунистическая власть в 1920-х поощряла поездки журналистов за пределы СССР, поскольку понимала, что материалы на путевую тематику есть достаточно эффективным инструментом пропаганды.

Маршрут украинского журналиста-путешественника определялся прежде всего не культурными парадигмами национального сознания, а внешнеполитическими задачами Советского Союза. В Иране побывал А. Марьямов (26 февраля 1921 года в Москве был подписан советско-иранский договор об установлении дружественных отношений) и как следствие такого путешествия выходит его репортажная книга «Пути под солнцем (10000 километров)» (Шляхи під сонцем (10 000 кілометрів)) (1929), куда вошел цикл путевых репортажей с Персии *Иран без чадры (Иран без чадура)*; Монголию посетил А. Полторацкий и дал описание своего путешествия летом 1930 года к Улан-Батору и Гоби в сборниках репортажей *Атака на Гоби (Атака на Гобі)* (1930) и *Последние дни бурханов (Останні дні бурханів)* (1932) (соглашение об установлении дружественных отношений между советским правительством и делегацией Монгольской Народной Республики было подписано 5 ноября 1921 года); свое видение социальной и политической жизни Германии в сборнике репортажей *Поезда идут на Берлин (Пойзди йдуть на Берлін)* (1931) подает А. Влызько, который совершил в 1928 году поездку в эту страну (дипломатические и консульские отношения между РСФСР и Германией были восстановлены 16 апреля 1922); свои впечатления от странствий Италией в книге репортажей *Сапог Европы (Чобіт Європи)* (1932) подал С. Головановский (дипломатические отношения между Советским Союзом и Италией были установлены 7 февраля 1924 года); в Китае

³ М. Васильків, *Українські мандрівні нариси 1920–30-х рр. і „Лексикон вітмих міст” Ю. Андруховича*, „Гуманітарна освіта в технічних вищих навчальних закладах: збірник наукових праць”, Київ 2012, Вип. 24–25, с. 238.

побывал Л. Недоля и описал свое путешествие в сборнике литературных репортажей *Желтые братья. Сквозь Хину (Жовті брати. Кризь Хину)* (1930) (дипломатические и консульские отношения с Китаем были установлены 31 мая 1924 года); осенью 1928 года В. Полищук отправился в путешествие скандинавскими странами, а в 1931 году вышла его книга репортажей *Рейд в Скандинавию (Рейд у Скандинавію)* (дипломатические и консульские отношения с Швецией и Норвегией были установлены 1924 года, а с Финляндией 1920 года).

Журналисты помогали налаживать культурные связи за рубежом, формировали престиж советской страны, пропагандировали преимуществами коммунистического образа жизни.

Одним из таких репортеров-путешественников был Кость Котко (настоящее имя – Николай Любченко).

В 1920–1930 годах Кость Котко был широко известен среди читательской общественности – его юморески, фельетоны, памфлеты часто печатались в газетах и журналах, одна за другой выходили прозаические книги: *Альманах троих (Альманах трьох)* (1920), *Петлюрия (Петлюрія)* (1921), *Чудоправ мастера (Чудоправ майстри)* (1922), *Без штепселя (Без штепселя)*, *Удивительное приключение с гречкой (Дивовижна пригода з гречкою)*, *Лицом к стене (Обличчям до стіни)*, *Как оно там за границей (Як воно там за кордоном)* (1927), *Истукрев (Істукрев)*, *Сто часов на сутки (Сто годин на добу)* (1928), *Тоже люди (Теж люди)* (1929), *Последний плен (Останній полон)* (1930), *Трагедия и фарс (Трагедія і фарс)* (1933). Кроме того, он работал в Народном комиссариате иностранных дел, первым секретарем повпредства в Варшаве, советником повпредства в Праге, редактором газеты „Киевский пролетарий“, членом редколлегии газеты „Коммунист“ – ведущего издания большевиков Украины, потому, понятно, что его путешествие в Турцию не было случайным и он дважды сумел побывать в командировках в эту страну.

Первая поездка состоялась в 1927 году, продолжалась пять недель и ее итогом стал сборник репортажей *Солнце за минаретами* (1928). После второй поездки вышла книга *Дневник нескольких городов* (1930), в которой основу составляли репортажи первого издания, дополненные новыми впечатлениями и наблюдениями.

Отдельные репортажи, в которых Кость Котко описывал свое путешествие Турцией, были напечатаны в тогдашней периодике. Так, в „Универсальном журнале“ вышел репортаж *Отверженный мечет*⁴, а в журнале „Червоный шлях“ – отрывки из нескольких репортажей, объединенные общим названием *Солнце за минаретами*⁵.

Как и в случаях с другими журналистами и писателями, путешествию Кости Котка в Турцию предшествовало подписание 16 марта 1921 года советско-турецкого договора о дружбе и братстве. Отдельный договор был подписан между Украинской Социалистической Советской Республикой и Турцией 21 января 1922 года. В этом договоре правительство УССР признает Турцию и ее правительство, как это было указано в договоре от 16 марта 1921, а Турция признает УССР „независимым и суверенным государством, образованным волей украинских рабочих и крестьян“⁶. Во главе украинской делегации был М. Фрунзе – один из самых значимых военачальников Красной армии. В те годы Советская Россия играла с Украиной в игру под названием „суверенитет“, поэтому подписание этого договора должно было засвидетельствовать то, что УССР воспринимается как субъект международной политики. Кроме того была еще и другая, неофициальная, цель визита Фрунзе в Турцию – помощь в греко-турецкой войне.

Красный маршал подробно ознакомился с ситуацией в стране, состоянием ее вооруженных сил, совершил несколько поездок в район боевых действий. Он разговаривал с населением, военными, не раз встречался с Мустафой Кемалем, выступил в Меджлисе. Исходя из опыта Красной армии и учитывая местные особенности, Фрунзе предоставил турецкому правительству ценные практические советы⁷.

К Турции в 1920–х годах в Советском Союзе было пристальное внимание. Ленин поддерживал турецких националистов-кемалистов в борьбе против греческой оккупации, поставляя им оружие

⁴ К. Котко, *Зневажений мечет*, „Универсальный журнал“ 1928, No. 2, сс. 41–46.

⁵ *Idem*, *Солнце поза минаретами*, „Червоный шлях“ 1928, No. 2, сс. 74–80.

⁶ М. Лозинський, *Радянський Союз і Туреччина*, „Червоный шлях“ 1930, No. 2, с. 147.

⁷ О. Корнієнко, *Мустафа Кемаль – батько турків*, „Персонал Плюс“ 2006, No. 14.

и амуницию и надеясь, что вскоре новая страна выберет правильный путь развития – построение коммунизма (руководители Советского Союза ошиблись – еще 1921 года, несмотря на союз с Лениным, Кемаль как только получил от большевиков военную помощь, уничтожил всю верхушку созданной за год до того Коммунистической партии Турции, а в 1923 году вообще запретил ее).

Реформы Турции, которая под руководством Мустафы Кемала в 1923 году превратилась из Османской империи в светскую республику, производили сильное впечатление на советских культурных деятелей, которые в межвоенное двадцатилетие путешествовали этой страной и описывали впечатления от своих путешествий в художественных и публицистических произведениях. Кроме того, многие из них, в том числе Кость Котко, все еще ожидали от Мустафы Кемала коммунистических преобразований: „Завтра сонце зійде над Туреччиною молодою, відновленою, визволеною з-під кайданів святошства, східного ледацтва, безглуздої романтики. Сонце світитиме не мінаретами Магомета, а димарями заводів трудящих“⁴.

Кость Котко попал в Турцию в период ее трансформаций на всех уровнях: идеологическом, экономическом, политическом, социальном, религиозном.

Президент Мустафа Кемаль полностью изменил идеологическую парадигму Турции. Если Османская империя позиционировала себя как исламское государство, оплот и защитник всех „правоверных“, то республика Мустафы Кемала – как национальное государство турок. Нормы традиционного мусульманского права шариата были заменены законами европейского образца, были отменены феодальные земельные отношения, финансовая система страны была выведена из-под контроля иностранного капитала, развивалась промышленность и сельское хозяйство. Все учебные заведения в стране стали государственными, а школы начали работать по европейским методам обучения. Для упрощения и придания турецкому языку естественности были устранены длинные и неудобные конструкции арабского и персидского происхождения, был внедрен латинский алфавит.

⁴ К. Котко, *Сонце поза мінаретами*, Книгоспілка, Харків 1928, с. 138.

Кость Котко, рассказывая о Турции, не оставил без внимания практически ни одной из сторон жизни этой страны. Во время путешествия он стал свидетелем всех инноваций Мустафы Кемаля в повседневной турецкой жизни, пытался разобраться в противоречиях социального и политического устройства страны, которая „год за годом теряет свой восточный шарм“⁹. Репортер наблюдателен, имеет широкое мировоззрение, он интересовался, сомневался, увлекался, удивлялся и совершенно искренне делился с читателями своими впечатлениями и мыслями.

Кость Котко, обладая талантом построения повествования, развивает и стимулирует читательскую любознательность. Ему удалось установить взаимное доверие, близость с читателем. Поэтому репортажи сборников *Солнце за минаретами* и *Дневник нескольких городов* дают достаточно объективную картину жизни Турции и ее жителей.

Художественные репортажи путевой тематики претендуют на авантюристность сюжета (первоначальный смысл слова „авантюра“ – „приключение“), заданную целью подготовки типа повествования¹⁰. Сюжет отражает последовательность событий, происшествий и встреч автора с разными людьми во время его путешествия, отобранных им по степени важности и интереса для читателя. Автор изначально имеет замысел, который обычно формируется до или во время путешествия.

Характерный признак цикла репортажей *Солнце за минаретами* и *Дневник нескольких городов* – тяготение к фрагментарности. Текст каждого сборника делится на части, однако сохраняет свою целостность благодаря изложению информации от 1 лица.

Такая субъективная организация текста призвана отразить умственные и эмоциональные процессы, происходящие в момент восприятия действительности путешествующим субъектом. Соответственно, природа текста продиктована авторским потоком сознания¹¹.

⁹ А. Сухов, *Аналіз сучасної Туреччини*, „Східний світ“ 1929, No. 1–2 (7–8), с. 110.

¹⁰ А. Тертыйный, *Жанры периодической печати: учебное пособие*, Аспект Пресс, Москва 2011, с. 251.

¹¹ А. Seegert, *Steam of Consciousness. Technology and Sensation in Dickens' Railway Sketches. Filament Sense and Sensation*, 2009, с. 91.

Рассказчик-репортер воспринимается как человек наблюдательный, любознательный, коммуникабельный, к тому же ему присуще чувство юмора.

Путешествуя по Турции, автор описывает все увиденное и услышанное, рассказывает о недалекой истории и современной действительности страны. Кость Котко нанизывает отдельные истории и описания своим непосредственным восприятием и изложением разнородного материала во временной последовательности. Разделы подаются по хронологическому принципу: автор описывает наиболее значительные моменты из своей жизни в Турции и из жизни героев, ставших персонажами его репортажей – рассказывает о своем пребывании в Стамбуле и в провинциальных городах и селах, изображает традиционный быт турков, знакомит читателей с колоритным восточным миром и базарами как главным национальным атрибутом („Великий Базар, Буюк Чарші – велике збіговище всіх народів, що заселяють Туреччину. Тут, під кам'яним склепінням, у світлі електрики, серед мурів, що тягнуться за кілька кілометрів, різномовний натовп галасує, кричить, торгує й купує”¹²), посещает театральную постановку, которая ему категорически не понравилась своей примитивностью (Кость Котко признавал только современный театр Леся Курбаса), праздник авиации, который произвел на автора слабое впечатление, и увидел народно-сценические танцы, которые автор вообще назвал жалким явлением („Був один номер, де жінка, співаючи, демонструвала щось подібне до танку живота, потім був танок бюсту, танок обличчя... Нейнеприємніше вразило, коли цей самий номер повторила маленька роки дванадцяти”¹³).

Хронологический тип композиции, которую избрал журналист, позволяет не только описывать события, но и делиться собственными впечатлениями и мыслями от увиденного. Путевые наблюдения репортера часто состоят из фиксирования всяких мелочей, которые передают неповторимый восточный колорит.

Кость Котко использует те возможности, которые предоставляет ему репортаж,

¹² К. Котко, *Сонце пом...*, с. 43.

¹³ *Ibidem*, с. 60.

и прежде всего – сам факт своего перемещения во времени и пространстве, с тем, чтобы придать репортажу динамичную форму, чтобы позволить читателю почувствовать все напряжение и „прелести“ путешествия и сделать его тем самым „соучастником“ своей командировки, своего поиска¹⁴.

Важным методом построения репортажей Костя Котка является ассоциативный способ изложения, то есть авторские размышления, которые углубляют образно-психологическую идею произведения. Журналист в любой момент может остановить описание реальных событий и сделать лирическое отступление. Так, в репортаже *Измил*, описывает свое пребывание в этом городе – столице приморской Анатолии, для полного восприятия реципиентами увиденного, чтобы читатели могли представить торжественность празднования пятой годовщины освобождения города от греческой оккупации, автор подает такую историческую справку:

Измил – символ турецкой революции, символ победы кемалистов над империализмом. Тут скинуто в море контрагента английського імперіалізму – греків... За допомогою англійського імперіалізму греки захопили 5 найбагатіших вілайетів Анатолії, й ізмірський порт – основний вихід для цілого краю. За допомогою англійського імперіалізму Греція намагалась анексувати край, де 85% населення – турки. Туреччина, знесилена у війні, розшматована в севрському трактаті, жевріла під п'ятою грецького побідника... Та на заклик кемалізму повстав мирний, обкрадений війною, турецький селянин, кинув зурну чабан – і вже з узгір'я зійшов на долину не тихий півсонний турок, не бородач із бутафорським мечем, як малюють його на літографіях, а креский аскер, і хоч проти англійської гармати й танка він мав тільки стару, вже у трьох війнах побиту, рушницю, а, проте розчавлено грецького захватчика, викинуто з турецької землі, скинуто в Егейю. 9 вересня 1922 року без жадного пострілу революційне військо молоді Туреччини ввійшло до Ізміру, а звідти в паніці на пароплавах великих імперіалістів втікли імперіалісти дрібненькі... Захопивши Ізмил, турецька республіка міцно стала на ноги¹⁵.

¹⁴ А. Тертычный, *op.cit.*, с. 252.

¹⁵ К. Котко, *Солнце вола...*, с. 81.

В этом же репортаже, описывая уничтоженную турками европейскую часть города, Кость Котко пытается объяснить причины такого разрушения не в процессе войны, наступления или обороны, а после победы. С этой целью автор делает отступление и обращается к книге Ж. Кайзера *Европа и новая Турция* и докладу председателя Айдинской железной дороги м-ра Дэвиса на общем собрании акционеров в марте 1922 года, в которых подавалась информация о геноциде турок греками:

У с. Каре-Тепе 150 жителів цього села викликано до мечету, щоб вони вислухали наказа грецької жандармерії. Коли чоловіки, жінки й діти зібралися, греки підпалили мечет і перехресним вогнем гармат не дали нещасним видертися з полум'я¹⁶.

Внимание Костя Котка привлекали изменения в быту, семейных отношениях, культуре, которые происходили в молодой республике. Так, репортер замечает, что модернизация национальной одежды турок на практике означала чрезвычайную мешанину европейского и восточного стиля одежды

(На станціях – різнобарвна публіка... Більшість – у капелюхах. Але під капелюхом, європейським капелюхом, може, навіть од самого Борсаліно, бачиш засмагле обличчя, а нижче – жилет – обов'язково жилет, без жилетки тут не ходять. Але на жилетку – намотано кілька метрів широкого матір'яного кольорового пояса... Бачив я і людей трохи не в візитах – а штани вправлено в чоботи¹⁷).

а отмена традиционного головного убора – фрески (которое иногда проходило агрессивными средствами, когда за ношение фески могли наказывать смертной казнью через повешение) привело к тому, что религиозные турки вместо шляпы и фески одевают кепку козырьком набок: „Для Кемала – кепка не феска, але Аллах мусить бачити твої думки, і чоло твоє мусить бути відкрите для молитви. Отже, козирок – набік“¹⁸.

¹⁶ Ibidem, с. 86.

¹⁷ К. Котко, *Щоденник кількох місць*, Книгоспілка, Харків 1930, с. 64.

¹⁸ Ibidem, с. 65.

Автора в Турции удивляет все: и большое количество автомобилей на улицах городов и поселков („сила авт. Вони йдуть майже нерозривною стежкою“; „мене здивувало багато таксі, що стояли в азіатському містечку... Навіть у далекому селі десь біля станції Сельджук, за 77 км на південь од Ізміру, ми знайшли кілька таксі“¹⁹), и магазины, забитые разнообразным товаром, который никто не покупает („І стоять на Пері великі крамниці з блискучими вітринами, з продавцями, без покуців“²⁰), и чистенький общественный транспорт с фантастическими иероглифами вместо цифр („Досі не знав, що турки вживають якихось інших цифр, не арабських, і не римських“²¹).

Наибольшее восхищение у Костя Котка вызывает образовательная реформа и введение фонетического варианта латинского алфавита вместо османского письма в стране, где было всего 5% грамотных жителей.

Автор отмечает, что 60% турецкого языка составляют персидские и арабские слова, потому необходимо „визволити мову з кайданів арабізмів і фарсизмів“²². Итак, языковая реформа, по мнению Котка, должна касаться не только введения латиницы, но и радикального обновления и упрощения литературного языка, освобождение его от большинства заимствований и искусственных книжных оборотов, приближение письменной разновидности к разговорной. Переход на новую азбуку и образовательная реформа так близки для Костя Котка через устойчивые аналогии с завоеваниями и трудностями кочевников, возрождением национальной культуры в Украине.

Одним из важнейших достижений реформ Мустафы Кемала, как считает Кость Котко, является раскрепощение женщины – власть отменила многоженство, женщинам было предоставлено право голоса на парламентских выборах, право поступать в высшие учебные заведения, выбирать любое место работы, ездить в совместных с мужчинами вагонах трамваев и поездов, выходить на улицу с непокрытым лицом и без сопровождения: „Раніш жінка не могла з'явитися перед

¹⁹ К. Котко, *Сонце пола...*, с. 56.

²⁰ *Ibidem*, с. 12.

²¹ *Ibidem*, с. 10.

²² К. Котко, *Щоденник кількох...*, с. 136.

чужим чоловіком із не заслоненим обличчям. Навіть через вікно ви-зирнути без чадри вона не могла. Не в супроводі чоловіка із своєї родини жінка не могла піти на вулицю чи до театру²². Правда, положительні зміни в положенні турчанок, по мненню репортера, більше схожі на жіночі привілеги, коли в громадському транспорті є спеціальні місця тільки для жінки, «де чоловік не має права сісти, але ніхто не забороняє жінці сісти серед чоловіків»²⁴. Но, незважаючи на прогресивні реформи Мустафи Кемалю, жінки в турецькій провінції все ще прикривають лице чадрой, їх строго заборонено фотографувати, вони не грають ролі в театрах («жіночу роллю виконував чоловік»²⁵), не виступають на радіо («наша знайома письменниця має славу розпутної жінки – може, тому якраз, що пише романи про кохання і навіть – жах! – виголошує доповіді через радіо»²⁶), не поють публічно пісень, не можуть самі, без супроводження родички, прийти в гості навіть до чоловіка, а до жінки.

Журналіст все час порівнює сучасну їй Турцію з колишньої Османської імперією, відзначаючи, що «досяг Туреччина була державою другої класи, мавши зелений колір пророка. Тепер вона, скинувши ярмо ісламу й некультурності, намагається перейти до першої класи, і прапор у неї – червоний»²⁷, прогнозує в найближчому для держави великі перспективи і світле майбутнє («надійде час, коли у турків буде те, що є тепер, а не було колись на Заході»²⁸).

Правда, кілька разів журналіст відзначає, що робочої Турції йому за часів подорожі так і не вдалося побачити, в країні велика соціальна пропасть між багатими і бідними, аграрна революція не відбулася, незважаючи на реформи (зміна податків з селян, право рубити ліс, мораторій на борги сільськогосподарському банку, безкоштовний живої інвентар з воєнного

²² Ibidem, с. 118.

²³ К. Котко, *Сонце поза...*, с. 126.

²⁴ К. Котко, *Щоденник кількох...*, с. 49.

²⁵ Ibidem, с. 120.

²⁶ К. Котко, *Сонце поза...*, с. 23.

²⁷ Ibidem, с. 12.

имущества), жизнь крестьянина не стала легче. Но, как настоящий коммунист, Кость Котко искренне надеется, что в революционной Турции, национальной Турции – республике „Февраля“ наступит „Октябрь“.

Кость Котко вспоминает и о выходящих из Украины в Турцию. Понятно, что любое упоминание о бывших земляках не могло не интересовать украинского читателя, поэтому каждая встреча с украинским „следом“ тщательно фиксируется автором. Оказывается, украинцев в этой стране немало. Это и служащие, сотрудники представительств и трестов СССР („Нефтесиндикат“), которые после подписания советско-турецкого договора, разместились по разным городам страны, и эмигранты, которые вынуждены были покинуть свою родину после становления там большевистского строя (такими вынужденными переселенцами являются бывший киевлянин, гетьманист, а теперь кабинджи на пляже „Флория“ Михаил Владимирович – антесеми́т, шовинист, антикемалист и уроженец Харькова, а ныне румынский гражданин Абрам Феликсович Фельдман – „интеллигент“, „домовладелец“, „буржуй“ и „враг советского строя“). Данные герои позволили автору озвучить критическое восприятие действительности и поднимать вопросы, связанные с естественностью восприятия культуры посещаемой страны и попутчиков.

Обращает внимание в своих репортажах Кость Котко и на русскую эмиграцию, которая частично осела на территории Турции и „грунтовно захопила три професії: шофери, кельнери і повії“²⁹. Русская эмиграция, как пишет журналист, принесла в Турцию „розпусту й хороби“³⁰, поэтому переселенцев в этой стране не любят. Эти вынужденные беглецы, бежавшие на чужую землю элементы, приспособляются, ненавидя страну, которая дала им временный приют:

прийшовши на чужу землю, насамперед почали з презирством ставитися до хазяїн цієї землі. Прийшли сюди свою ідейну убогість, духовну й фізичну розпусту, сприявши тому, що ім'я росіянина стало подібним до найнікчемнішого Терсіта з Іліади, вони вважають себе на десять

²⁹ Ibidem, с. 113.

³⁰ Ibidem, с. 17.

голів вищими од турка, що переміг імперіаліста, не затруїся отою отрутою й, кінець-кінцем, запровадив лад на своїй землі. Турки-бо – азіати! Турки-бо – нижча раса¹⁸.

Описывая переселенцев, Кость Котко, вырисовывает все оттенки душевной пустоты, в которой оказывается человек, лишенный привычного окружения, у которого не остается ничего, кроме самого себя.

Белоземляки, которым категорически не нравился союз националистов-кемалистов с красной Россией, кроме всего прочего, принесли в Турцию вспышки насилия, начав конспирации против турецких властей. Хорошо понимая, что это представляет огромную опасность для молодой национальной Турции, правительство сделало соответствующие действия, и где-то уже в 1928 году в стране не осталось ни одного белого эмигранта. Это и подтверждает Кость Котко в своих репортажах:

Великих кадрів російської еміграції я в Туреччині вже не знайшов. Графи й князі роз'їхалися по серйозніших країнах, де можна інтригувати (...) У вересні 1927 р. їх було тільки 3.000. Турецька влада обмежила місце перебування російської еміграції виключно межами Стамбула з околицями¹⁹.

Кость Котко старается быть как можно правдивее, документально точным в воспроизведении собственных наблюдений и полученной из других источников информации о жизни и быте турок. Большое внимание в сборнике репортажей сосредоточено на турецких обычаях, которые несут реалистичную картину о традиционной жизни на востоке. Так, автор отмечает, что турки очень любят животных, оскорбить которых считается большим грехом; несмотря на то, что Турция стала светским государством, в провинции до сих пор выполняются религиозные обряды и мальчикам 13–14 лет проводят обрезание; а покойников в Турции хоронят стоя.

В репортажах сборников *Солнце за минаретами* и *Дневник нескольких городов* весомую роль играет пейзаж, который помогает передать

¹⁸ Ibidem, с. 117.

¹⁹ Ibidem, с. 113.

условия и окружение, в которых происходит событие, эмоции, настроения автора и героев. Кость Котко подробно и ярко передает пейзажи Турции:

Цілий день їхали ми пеклом Анатолії, перерізуючи її з півночі на південь. Цілий день з правого боку далеко поза спаленими рівнинами бігли поруч нас гори Кяз-дагу, зникаючи та знов виглядаючи й не наважуючись підбігти до залізниці. Потім вони спробували одурити нас і підкралися з лівого боку – і це вже був Девірджі-даг. А коли сонце натомилося раз-у-раз одганяти узгір'я, гори посмілишали, насунулися ближче, підскачили раптом до самого поїзду. Ми вже пройшли під навислою сірою скелею, а далі з півдня надбігали цілим нагномом, штовхавочись і переганяючи одна одну, такі ж мишасті скелі²³.

Большое значение журналист предоставляет урбанистическим пейзажам, описаниям древней архитектуры, напоминающие о многовековой культуре Турции: „Минарети й мечети накопичувались безладно, там і тут, немов велетенська рука раз-у-раз кидала їх, – і вони виростали по всьому Стамбулу. Стамбул – на горі. Всю гору всіяно минаретами: їхні стріли перерізують увесь обрій”²⁴.

Портрети не мають більшого значення в репортажах Костя Котка, автор ізрідка звертається к цьому приему. Эти внешние характеристики довольно лаконичные и короткие, их главная цель – показать внутреннее состояние персонажа, его вкусы, социальное положение: „Михайло Володимирович походжає по пляжу в трусиках і колоніальному шоломі. Це його вбрання. Він чорний, майже як мури”²⁵.

Репортажи Костя Котка не только помогают перенестись на место происшествия и представить себе то, что пришлось увидеть и услышать репортеру во время путешествия, но и эмоционально влияют на читателей, помогают почувствовать всю неповторимость и разнообразие посещаемого края, способствуя появлению эмоциональной реакции в форме чувств. Этому, безусловно, способствовало языковое оформление сборников *Солнце за минаретами* и *Дневник нескольких городов*.

²³ Ibidem, с. 63.

²⁴ Ibidem, с. 26.

²⁵ Ibidem, с. 116.

Кость Котко широко використовував в своїх текстах турецькі слова, які не мають аналогів в українському мові.

В репортажах збірників багато слів-реалій, позначають:

- топоніми названня міст: „За годину чарівна панорама Стамбулу розкрилась на всю широчінь”³⁶; „9 вересня 1927 року, кинувши наш поїзд на ст. Корделіо Касабської залізниці, ми пересіли в авто і вїхали до Ізміру якраз з того боку, звідки п'ять років тому вступало національно-революційне військо”³⁷; „Ми виходимо в вузьку протоку чи затоку. Праворуч – маленьке містечко Чанак-кале”³⁸; названня вулиць: „Готель – на великій вулиці Пері. Її тепер перейменовано на вулицю Незалежності (Істіклаль джадесі)”³⁹; „Вулиця Франк не існує. Я в мертвому місті. Вулиця Франк завалена уламками мармуру й поросла травою”⁴⁰; названня районів, кварталів, площадей і базарів: „Біля Нового мосту, в кварталі Емін-Евну – великі європейські будинки, банки, великі магазини”⁴¹; „Майдан Баязіда – трохи нерівний. У його горішній частині гарна брама зелено-блакитна”⁴²; „Для мене Великий Базар, Буюк Чарші – велике збіговище всіх народів, що заселяють Туреччину”⁴³; названня морей, проток: „Через Дарданели Мармуровим морем – один (морський шлях – О.Б.). І другий – з Чорного моря через Босфор”⁴⁴; названня достопримечательностей і мечетей: „Сірі мінарети – ми вже почали розрізняти чотири мінарети Ая-Софії, шість мінаретів Ахмет-султана”⁴⁵; „Ліворуч вулиця уносить трамваї до мечету Фаті, праворуч – мечет Баязіда, Голуб'ячий мечет”⁴⁶; „Ми просуваємося”

³⁶ Ibidem, с. 26.

³⁷ Ibidem, с. 82.

³⁸ Ibidem, с. 99.

³⁹ Ibidem, с. 9.

⁴⁰ Ibidem, с. 85.

⁴¹ Ibidem, с. 43.

⁴² Ibidem, с. 43.

⁴³ Ibidem, с. 43.

⁴⁴ Ibidem, с. 25.

⁴⁵ Ibidem, с. 26.

⁴⁶ Ibidem, с. 44.

мося цієї вулицею наниз до мечету Валіде-джами, щоб перейти через Золотий Ріг і повернутися додому після чотиригодинного тиняння по крамницях⁴⁷;

- антропонимы: „Мустафа – найкращий і найсміливіший у Стамбулі шофер“⁴⁸; „Клацнув апаратом і записав адресу Гасан-бея. Турки не мають прізвищ, тільки імення“⁴⁹;
- релігійно-мистическіе: „І коли, проспівавши кілька разів, що Аллах – великий і милостивий, він зникає з мінарету – мені здається, що я бачу, безнадійний жест рукою на прощання...“⁵⁰; „Праворуч плескався Босфор і чорніла силуетка мечету“⁵¹;
- названія денежних одиниць: „Він не одчепиться од вас, аж поки інший, спритніший, не змінить його, пропонуючи вам хороші ковдри ціною в 10 лір навіть дешевше“⁵²; „Ми платимо 45 гурушів, а згодом дізнаємося, що коштували наші цигарки тричі по 16 гурушів, тобто 49 гурушів“⁵³;
- названія лиц по професійній, релігійній, общественной функції: „На зубожілому мінареті зубожілого мечету, опершись на парапет у напрямі на південний схід, муедзин співає хвалу Аллахові та посланцеві його“⁵⁴; „Михайло Володимирович – кабінджі на пляжі „Флорія“. Мій земляк“⁵⁵;
- названія музикальних інструментів: „На сцені поставили маленького столика, а в кутку за другим таким звичайним кав'ярневим столиком сіли два музики: один із якоюсь мандоліною, другим – із чимсь подібним до флейти. Тоді мені називали ці струменти, здається – тарі й зурна“⁵⁶;
- названія одягу: „Здерто з муедзина чалму, з правовірного турка – феску – і куди тепер поділася покірність аллахові й його

⁴⁷ Ibidem, c. 53.

⁴⁸ Ibidem, c. 7.

⁴⁹ Ibidem, c. 95.

⁵⁰ Ibidem, c. 7.

⁵¹ Ibidem, c. 30.

⁵² Ibidem, c. 47.

⁵³ Ibidem, c. 74.

⁵⁴ Ibidem, c. 5.

⁵⁵ Ibidem, c. 114.

⁵⁶ Ibidem, c. 57.

цкому я загадав, що скло турецькою мовою зветься „джам“⁶⁶. Об'яснення невідомих читателю слів часто подається непосредственно в тексті. При цьому не тільки об'ясняється їх значення, але іноді собою об'ясняється, що означає визначене явлення, яке має призначення того чи іншого предмета.

Замітальний стиліст і оригінальний спостерігач, Кость Котко тонко, не без іронії, створює об'єктивну картину турецького світу, яку складають герой-путешественик, а також природа і соціум в різноманітних проявленнях.

Кость Котко написав репортажі на подорожню тематику про Туреччину, які викликали великий інтерес і знайшли відгук в серцях читачів, однак ні літературний успіх, ні високі партійні посади не уберегли письменника від репресій 1930-х років.

4 грудня 1934 року чекісти влаштували в київському будинку М. Любченка обшук, а після обшуків на квартирі, його заарештували. 14 січня 1935 року підсудимого виключили з ВКП (б) „як активного учасника контрреволюційної організації“. Спочатку на допитах, які веде слідчий Грушевський, Любченко все заперечує, але в кінці змушений був визнати свою „приналежність до боротьбистського крила блоку контрреволюційних націоналістических сил“.

В'їздна сесія Воєнної колегії Верховного Суду СРСР на закритому засіданні без участі обвинувачення і захисту 27 і 28 березня 1935 року розглянула справу Любченка і винесла вирок: позбавити свободи на 10 років з конфіскацією особистого майна. Після суду ув'язненого відправили в Карагандинський табір – Картабу, де він до 21 травня 1936 року працював в селі Долинське. Звідти його перевели в Беломоро-Балтійський табір – Белбалтабір. „Особа трійка“ УНКВД Ленінградської області 25 листопада 1937 року засудила Миколая Любченка до страти. Вирок виконано 8 грудня 1937 року в Ленінградській області⁶⁷.

⁶⁶ К. Котко, *Щоденник кількох...*, с. 170.

⁶⁷ Ю. Винниченко, *Кость Котко, Невідоме Відродження: антологія*, Факт, Харків 2016, с. 387.

Военная коллегия Верховного Суда СССР 4 августа 1956 года тот приговор отменила и уголовное дело прекратила. Николай Любченко реабилитирован посмертно.

С 1930 года сборники репортажей *Солнце за минаретами* и *Дневник нескольких городов* ни разу не переиздавались, и сегодня читатель не имеет возможности с ними ознакомиться, хотя литературные репортажи на путевую тематику Костя Котка, несмотря на почти девяносто лет с времени их написания, интересные, познавательные, увлекательные и дают читателям полную и объективную картину жизни Турции 1920-х годов.

Бібліографія

Васьків М., *Українські мандрівні нариси 1920-30-х рр. і „Лексикон інтимних міст” Ю. Андруховича*, „Гуманітарна освіта в технічних вищих навчальних закладах: збірник наукових праць”, 2012, Вип. 24–25.

Винничук Ю., *Кость Котко*, Невідоме Розстріляне Відродження: антологія, Факт, Харків 2016.

Здоровега В., *Теорія і методика журналістської творчості: підручник*, Паїс, Львів 2004.

Корнієнко О., *Мустафа Кемаль – батько турків*, „Персонал Плюс” 2006, No. 14.

Котко К., *Зневажений мечет*, „Універсальний журнал” 1928, No. 2.

Котко К., *Сонце поза минаретами*, Книгоспілка, Харків 1928.

Котко К., *Сонце поза минаретами*, „Червоний шлях” 1928, No. 2.

Котко К., *Щоденник кількох міст*, Книгоспілка, Харків 1930.

Лозинський М., *Радянський Союз і Туреччина*, „Червоний шлях” 1930, No. 2.

Seegert A., *Steam of Consciousness. Technology and Sensation in Dickens' Railway Sketches. Filament Sense and Sensation*, 2009.

Субтельний О., *Україна: Історія: навчальний посібник*, Либідь, Київ 1992.

Сухов А., *Анатолізація сучасної Туреччини*, „Східний світ” 1929, No. 1–2 (7–8).

Тертычный А., *Жанры периодической печати: учебное пособие*, Аспект Пресс, Москва 2011.

Specification of the creation of Turkey formation in reports on the way of the city by Kost Kotko *The sun beyond the mineralities* (1928) and *The diary of several cities* (1930)

The article deals with the extraordinary spread of literary reporting on the theme of wandering in the Ukrainian Soviet journalism during the period of national-cultural revival, which was called the „root-making”. In particular, the collection of Kost Kotko's *Sun beyond minarets* and *Diary of several cities* is thoroughly analyzed. The object of the characteristics of the article was the impression of the reporter from the reforms by Mustafa Kemal in the economic, political, social, religious life of the country. It is noted that much attention in the collection of reports focuses on the descriptive Turkish customs and everyday life, which carry realistic information about the traditional life in the east. The main emphasis is on the fact that the characteristic feature of the cycle of reporting *The Sun beyond the minarets* and *Diary of several cities* is the tendency toward fragmentation. The text is divided into parts, but retains its integrity through the presentation of information from 1 person. It is noted that the chronological type of composition chosen by the journalist allows not only to describe the events, but also to share his own impressions and thoughts from what he saw. Traveler observations of the reporter often consist of fixing all the trifles that reproduce the unique eastern flavor. It is emphasized on the literary and artistic value of the collections of reports *The Sun beyond the minarets* and *Diary of several cities*, which since 1930 have never been reissued. Literary reports on the traveling themes of Kostya Kotka, despite almost ninety years since their writing, are read with interest and are relevant today, because they are interesting, cognitive, entertaining, attracting modern readers to the freshness of feelings, intriguing statements of the past and the past, and show a complete and objective picture of the life of Turkey in the 1920's.